

В НОВОМ РЕПЕРТУАРЕ

Есть исполнители, которые никогда не испытывают недостатка в почитателях, поклонниках своего искусства. Их имена, появляющиеся на афишах, неизменно вызывают интерес слушателей. Именно к таким мастерам относится и Михаил Александрович. Его концерты никогда не остаются вне поля зрения любителей пения и всегда собирают многочисленную аудиторию.

Этот артист прославился у нас как тонкий интерпретатор неаполитанских романсов, песен, арий итальянских композиторов. Тем интереснее было услышать его в ином репертуаре: свой последний концерт, состоявшийся на днях в Малом зале Консерватории, он посвятил романсам и песням советских композиторов. В концерте приняли также участие композитор Н. Раковский, пианист И. Изачек и кларнетист И. Мозговенко.

Концерт Александровича еще раз показал, что романсный жанр в советской музыке не так уж беден. Здесь были очень разные по авторскому замыслу, по ючерку, по характеру, разные и по своим художественным качествам образцы советской вокальной музыки. Были такие талантливые сочинения, как романсы Г. Свиридова (на стихи Пушкина) «Роялет лес багряный свой убор» и «Подъезжая под Ижору», где автор нашел острый характерный музыкальный образ для каждого из текстов. первый — глубоко психологичный, второй — с легким, тонким юмором. Рядом с замечательными вокальными произведениями Т. Хренникова — трогательной колыбельной Ленки из оперы «В бурю», простой, по-русски задушевной «Березкой» (на стихи С. Есенина), пользующейся всенародной любовью песенкой «Как соловей о розе», со сделанными рукой мастера романсами Н. Ракова — баллада «Лес», «Летний вечер», «Утро» и его обработками латышских и литовских народных песен звучали классический советский романс «К розе» А. Спендиарова, песни эстрадного плана А. Бабаева и другие.

Можно лишь радоваться, что М. Александрович возродил к жизни вокальный цикл М. Ипполитова-Иванова «Пять японских стихов» — именно возродил, ибо этот цикл

почти никогда не звучит на нашей эстраде!). Советский слушатель любит и ценит лирику — тонкую, задушевную. Почему же эти проникновенные и вместе с тем очень сдержанные по выразительным средствам, разнообразные по настроению романсы, остаются вне поля зрения советских вокалистов!

М. Александрович включил в свою программу и произведения, исполнявшиеся впервые и еще не «апробированные» слушателем. Это два романса молодого бакинского композитора О. Никольской «Единственный» и «Любимая», где автор, используя интонации, характерные для азербайджанского народного мелоса, вместе с тем не отходит от специфических приемов романсного жанра в построении музыкальных образов, и цикл московского автора А. Лебедянского на стихи Роберта Бернса.

На этом сочинении хотелось бы остановиться несколько подробнее.

Творчество замечательного шотландского поэта Роберта Бернса, где мотивы общественного протеста, обличения социальной несправедливости звучат в полный голос, уже не раз привлекало советских композиторов. Известен талантливый цикл Г. Свиридова на стихи шотландского поэта; в программу концерта была включена «Застольная» Т. Хренникова (текст Бернса). И тому, и другому автору удалось ощутить стиль, характер поэтического слова поэта — слова острого, меткого, часто инсказательного, но очень ясного, доступного. Они почувствовали и героя берисовской поэзии — мужественного и смелого, гордого и честного шотландского парня, преисполненного жизнелюбией и чувства сострадания к таким же, как и он, беднякам, ненавидящим богатых и власть имущих. К сожалению, всего этого не почувствовал молодой композитор А. Лебедянский. Язык его цикла прост, но это скорее даже не простота, а примитивность школьной речи. Здесь, по существу, не придерешься ни к форме изложения, ни к мелодике, ни к фактуре сопровождения: все сделано правильно, «по законам» школьного письма. Но все это бледно, серо, ординарно. Это отнюдь не значит, что мы призываем к нарочитой усложненности, «новизне» музыкальной речи. Но есть про-

стога, достигнутая большим трудом, и простота, идущая от неумения.

Вряд ли можно мыслить поэзию Бернса в музыке как отголоски советских массовых песен. А ведь Лебедянский именно так перевоплощает его: «Босая девушка» — это некоторое подобие вальса «В лесу прифронтовом» или «Школьного вальса»; «Пробираясь за калитки» ассоциируется с какими-то шуточными лирическими песенками С. Каца и А. Островского. Если композитор прибегает к куплетной форме, то куплет у него остается в первоначальном виде, не обогащенным, а ведь и у Г. Свиридова, и у Т. Хренникова язык тоже прост и они широко используют куплетную форму, простые до скудости средства выразительности. Но как они обогащены творческой фантазией, сколько остроумной изобретательности проявили авторы и в мелодике, и в ладовом сопоставлении, и в гармонии, чтобы сделать их простыми, а не упрощенными. Сколько народного юмора у Бернса в «Сватовстве Дункана Грэя», а у Лебедянского это просто легковесность! Понятно, что обращение к творчеству Роберта Бернса — задача весьма и весьма трудная, и здесь, думается, автор взялся за то, что ему пока еще не по плечу.

Несколько слов об интерпретации Михаилом Александровичем романсов и песен советских композиторов. Несомненно, он большой мастер с хорошими вокальными данными, с прекрасной школой. И все же в исполнении русского репертуара вообще и советского в особенности он еще не нашел нужных красок, которые бы раскрывали самые характерные черты русской музыки — простоту, задушевность и глубину содержания. М. Александрович, пользуясь одними приемами — частыми длительными затянками звука, «придыханием», экспрессивным «дрожанием» голоса в кульминационных моментах взлета мелодии делает произведения похожими одно на другое. в них перестает различать почерк, стиль композитора. И, очевидно, постоянно работа над расширением репертуара, артист должен одновременно обогащать и свою вокальную палитру.

М. ИГНАТЬЕВА